

ИРИНА ПЕРЕСАДА

рассказы

Адвокат

1

Андрей вышел из зала суда, подошёл к тяжёлым перилам мраморной лестницы, идущей по кругу здания, и глубоко вздохнул. Глаза закрылись, и по телу поплыла знакомая волна блаженного расслабления. Да, он сделал это, как делал много раз, добиваясь оправдания подсудимому. Всё, сегодня пятница, хоть и тринадцатое число, и он может со спокойной совестью отдохнуть. Процесс был тяжёлый, подсудимого обвиняли в убийстве молодой девушки, все улики указывали на него, но указывали настолько явно, что невольно возникала мысль о хитрой подставе. Но для чего? Кому это было нужно? Теперь, когда невиновность доказана, отвечать на этот вопрос будут следователи. Андрей был известным адвокатом, за которым ходила молва, что он не берётся за дело, если не уверен в успехе. Со стороны, возможно, это выглядело именно так, но со стороны не была видна та колоссальная работа, которую он проделывал каждый раз, решая браться за дело или отказать. Однако определяющим аргументом был странный факт – вызывал или нет обвиняемый у него личное расположение. Андрей всегда помнил, как в детстве его учила мама:

– Андрюша, запомни, что нет плохих людей. Бывают тяжёлые обстоятельства, с которыми люди не справляются. Ты посмотри человеку в глаза, только глубоко смотри. Там, в глубине, и находится правда. Увидишь её – значит, человеку можно доверять, а если не увидишь, значит, обстоятельства сломили его настолько, что он забыл эту правду. Не осуждай его, просто отойди от него в сторону.

По малости лет он не всё понял, но в глаза людям стал смотреть. Впервые он проверил мамино наставление после драки с соседом – своим закадычным дружкой Русланом. Они катались по траве, мутузя друг друга кулаками, пока Андрей не оказался наверху, прижав Руську к земле. И тут он посмотрел в его глаза и увидел правду. А правда была в том, что Руська любит его, как и он любит Руську. Злость сразу же прошла, драться расхотелось, Андрей слез с него, протянул руку и сказал:

– Давай вставай, что нам драться, мы же друзья.

Руська, который ожидал удара кулаком, сначала опешил, потом взял протянутую руку, поднялся и обнял его за плечи.

– Так что, мир?

– Мир, – подтвердил Андрей.

И уже став адвокатом, Андрей после изучения материалов встречался с обвиняемым и всегда во время беседы смотрел ему в глаза. Глубоко. Видел там правду – брался за дело, нет – отходил в сторону, как учила его мама. И в его работе практически не было промахов.

С первого класса и до последнего Андрей был отличником. Он никогда не грыз гранит наук, но всегда со страстью погружался во всё новое, с чем сталкивался. Ему нравилось анализировать, сопоставлять и делать выводы. И когда встал вопрос о профессии, как-то само определилось – юридический. Он решил, что будет следователем – здесь его пылкий ум сулил успех, да и преподаватели пророчили ему славу современного Шерлока Холмса. Но к окончанию университета парень понял, что станет адвокатом – работать с людьми ему было гораздо интереснее, смотреть глубоко

в глаза стало его привычкой. Жену он выбрал себе по этому же принципу. Зашёл как-то перекусить в кафе, увидел за столиком красивую девушку, подсел к ней и посмотрел в глаза. И увидел там такую прекрасную правду, что первыми его словами стали:

– Девушка, выходите за меня замуж.

Девушка в свою очередь посмотрела ему в глаза и неожиданно ответила:

– Хорошо, я согласна. Меня зовут Ирина. Ира.

– А меня Андрей.

Через полтора месяца сыграли свадьбу, через год родились двойняшки – мальчик и девочка. Родители Андрея к тому времени переехали в Москву, продав свою квартиру, а ему оставив квартиру бабушки. Она была хоть и в центре города, но в старом дворе, какие в их городе называют итальянскими. По всему двору на каждом этаже проходит открытый балкон, куда и выходят двери всех квартир. В таких дворах нет секретов и тайн, всё на виду. Через два года их дом вместе с двором снесли, на его месте подняли новостройку, где Андрей получил просторную трёхкомнатную квартиру на высоком этаже с видом на море. Жизнь продолжала складываться жизнью отличника.

Магистратуру Андрей проходил в Англии, где ему и предложили стажироваться в известной адвокатской конторе. Но он отказался, предпочитая вернуться в родной город у моря. С самого детства, когда после распада империи все вокруг спешно покидали бывшие союзные республики, разбредаясь по всему миру – от России до Америки и от Европы до Австралии, Андрей твёрдо решил, что никуда не уедет. Лишь Бог знает, почему этот блестящий молодой человек решил остаться на своей маленькой нефтяной родине, но это было так. Его приняли на работу в адвокатскую контору «АДАЛЯТ» – правосудие, и здесь уже через год он выиграл своё первое дело. В этой конторе ему рассказали анекдот, который стал пророческим в его карьере.

Заходит в юридическую контору «Гольдберг, Зильберг, Берг и Иванов» посетитель-еврей и обращается к секретарше:

– Девушка, мне нужен адвокат и я хочу Иванова.

– Но почему именно Иванов? У нас все адвокаты профессионалы высшего класса.

– Девушка, если какой-то Иванов сумел пробиться на вывеску к такой компании, то это значит только одно – он стоит Гольдберга, Зильберга и Берга вместе взятых.

Посетители выбирали адвоката Андрея Матвеева иногда по единственной причине – если русский парень пробился в самую известную местную адвокатскую контору, то он многого стоит. Точно так же в клиниках больные шли к врачу-еврею, или же мамы для своих детишек репетитором выбирали учительницу-русскую, почему-то доверяя им больше, чем местным национальным кадрам.

Три месяца назад к нему в кабинет вошёл высокий худощавый мужчина лет сорока, голова гладко выбрита, очевидно, чтобы скрыть лысину, лицо открытое, большой восточный нос, сросшиеся брови, чёрные внимательные глаза.

– Рустамов Исмаил, – представился посетитель. – Моего родного брата обвиняют в убийстве, но он не виноват. Не скажу, что он мухи не обидит, но убийство – это не про него. Это невозможно! Никогда! – он умоляюще взглянул на адвоката. – Я знаю, что вы сможете помочь. Рассказывают, что вы творите чудеса.

– Вы не по адресу. Я не волшебник.

– Извините, я очень волнуюсь. Моему брату нужен адвокат. Я предлагаю вам защищать его. Назовите любой гонорар.

– Мне нужно познакомиться с делом и с обвиняемым. Только после этого я решу, возьмусь за дело или нет. И гонорар я определяю только после этого.

– Да-да, конечно. Я прошу вас ознакомиться с делом. Любую помощь, любое содействие я вам гарантирую. У меня хорошие связи и знакомства, всё будет в вашем распоряжении...

– По-моему, вы предлагаете мне что-то не то. Решайте своё дело связями и знакомствами. Удачи, – Андрей отвернулся от посетителя к компьютеру. Мужчина растерялся, но быстро сориентировался.

– Простите меня! Это волнение. Я очень люблю брата, и мне слишком тяжело представлять его за решёткой. Тем более, что он не убивал. Его жёстко подставили, и жестоко. Кто, зачем? Всё сфабриковано, все факты и улики. Я думаю, это месть мне. Я бизнесмен, естественно, в делах кому-то наступаю на хвост, подрезаю, кого-то вывожу из игры. Есть обиженные, есть банкроты. Свою семью я давно вывез за границу. Мало кто знает, где они сейчас. До них добраться невозможно, – мужчина подумал и поправился, – по крайней мере, очень трудно. А брат – вот он, рядом. Его и взяли мишенью. И попали так метко, что у меня, не переставая, здесь болит, – мужчина показал на левую половину груди.

– Сердце?

– Наверное. Андрей Васильевич, возьмитесь за это дело.

– Я повторю вам – мне нужно познакомиться с материалами дела и с обвиняемым. Я сделаю это и дам ответ.

Мужчина порывисто приблизился к адвокату, схватил его руку и стал трясти.

– Спасибо, спасибо, большое спасибо. Я так рад, я уверен – мы победим!

– Но я ещё не дал вам ответа. Оставьте все данные, я вам перезвоню.

– Вы согласились познакомиться с делом, а это уже наполовину победа...

– Или наполовину поражение.

– Нет, конечно, я уверен в вас, – воскликнул посетитель и посмотрел Андрею прямо в глаза. Адвокат в свою очередь заглянул в глаза посетителя. То, что он увидел, удивило его. Глаза мужчины впустили его взгляд лишь до определённой глубины, а потом внутри словно захлопнулась дверь. Правда была за этой дверью, но она осталась недоступной.

Андрей познакомился с делом, и у него составилось впечатление, что убийство было хорошо спланировано с тем, чтобы повесить его конкретно на одного человека – Мустафу Рустамова, брата Исмаила. Мустафа был знаком с убитой девушкой – Сабиной, одно время она работала у него в магазине консультантом. Мустафа не любил слово «продавщица» ни на русском, ни на родном языке. Оно казалось ему каким-то плебейским, а вот слово «консультант» как-то сразу повышало статус и продавца, и заведения. Потом девушка поступила в институт и стала подрабатывать переводами. Иногда она забегала по старой привычке в магазин, где Мустафа открыл ей кредит и скидку на все товары. Вот и все контакты. А однажды утром тело девушки обнаружила уборщица, причём в кабинете директора – Мустафы Рустамова. Накануне весь персонал вышел из магазина после работы одновременно с директором, дверь запирали сам директор, он включил сигнализацию и отправился пешком домой, куда пришёл через полчаса. В квартире в тот вечер он был один, так как его семья предпочитала с весны жить в загородном доме. Из дома не выходил до утра, охранник в подъезде его городской новостройки клятвенно утверждал, что провёл весь вечер и всю ночь на вахте, причём, не смыкая глаз, и не видел, чтобы Мустафа выходил из дома и входил обратно в течение его дежурства. Видеокамера в доме также зафиксировала, как Мустафа вошёл в подъезд вечером и вышел утром. А либи? Кажется, да, но камера на улице, где располагался его магазин, зафиксировала совсем иное – вечером сначала директор, а через некоторое время и девушка вошли в подъезд дома, куда выходила вторая дверь магазина. В кабинете на столе стояли початая бутылка вина и два бокала, на которых были отпечатки его и её пальцев. На кинжале, который точным попаданием в сердце остановил молодую жизнь, также были

отпечатки его пальцев. В кабинете не было следов борьбы и сопротивления, всё выглядело так, словно девушка прилегла на диван отдохнуть, закрыла глаза, а в этот момент ей вонзили кинжал в сердце. Смерть была мгновенной, на лице осталась полуулыбка. Отец убитой девушки утверждал, что по словам дочери, Мустафа срочно пригласил её в офис, так как на завтра должны были приехать иностранные компаньоны и было необходимо перевести какие-то бумаги. За работу Мустафа якобы пообещал хорошие деньги с двойной надбавкой за срочность. Сабина быстро переделась и ушла, пообещав вернуться как можно быстрее, но не вернулась, а на утро её нашли мёртвой.

Андрей, закончив беглое чтение материалов дела М.Рустамова – внимательно можно будет изучить потом, если он возьмётся за него, решил встретиться с обвиняемым.

Мустафе Рустамову было сорок шесть лет, но выглядел он гораздо старше. Большая лысина, по краям редкие седые волосы, помятое лицо, густые, сросшиеся, как у брата, брови, под которыми он прятал глаза. Видно было, что человек смертельно напуган. Он не мог найти себе места, все время ёрзал на стуле, теребил одежду, глубоко вздыхал, словно всхлипывая, и медленно, со свистом, выдыхал воздух.

– Чего вы боитесь? – спросил адвокат и был удивлён ответом.

– Что дочь не выйдет замуж.

– А причём здесь дочь?

– Они с Рафиком любят друг друга с детства. Рафик – её жених. Он на два года старше. Они вместе росли, в детский сад ходили вместе, потом в школу. Родители отправили Рафика дальше учиться в Лондон. Хотели, чтобы он потом остался в Европе. Они не очень жаловали нашу семью, мы для них родом не вышли. Его отец – академик, мать – артистка, – он назвал имя и фамилию, известные в стране. – Рафик у них единственный сын, поздний ребёнок. Отцу уже за пятьдесят было, когда он родился. Правда, мать лет на двадцать моложе. Они для него желали золотые горы, жену – только принцессу. А мы кто? Для них просто выскочки, неизвестно как заработавшие деньги. Но мой брат, вы же видели его, очень умный человек, он у нас в семье один такой. Он просто гений по всяким комбинациям и махинациям. Для него заработать хорошие деньги, что для другого пультом щёлкнуть. Фактически всё, что есть у нас в семье, заработал он. Всех братьев и сестёр обеспечил, а нас у матери пятеро. Каждому организовал бизнес. Младшей сестре, она у нас художник-модельер, открыл Дом моды. Да вы, наверно, слышали – «Зохра».

– Так это ваша сестра? Моя жена иногда одевается там. Ей нравится.

– Да, Зохра талантливая девочка. Но я говорил про Лалочку, дочку. Когда они с Рафиком были детьми, их влюблённость всех забавляла. Его родители даже поощряли их дружбу. Никто не думал, что это серьёзно и продлится так долго. Но когда дети выросли, любовь их не прошла, а только расцвела, – Мустафа всхлипнул. – Эти люди решили разлучить их. Они поэтому и отослали парня за границу. Как он мучился, как плакал перед отъездом, сидя у нас дома... Я тогда пообещал, что тоже отправлю Лалу в Лондон после школы, и он успокоился. А после его отъезда Лала сказала нам с женой: «Мне без него не жить. Мы не можем друг без друга. Если мы не будем вместе, я умру». Она и потом повторяла это нам с матерью. Мы так испугались за неё, боялись, что, не дай Бог, если что не так, руки на себя наложит. Лала хрупкая девочка, но очень решительная. Рафик закончил учёбу, Лала через год тоже закончит свой английский колледж, потом должны были свадьбу сыграть... И вот эта история... Я же не виноват, не убивал я эту девочку, Сабину... За что? Она такая умница, как это всё получилось? Откуда все эти улики? Если меня посадят, родители Рафика ни что не допустят их свадьбы... И тогда Лалочка... – Мустафа горько зарыдал, не пряча и не стесняясь слёз. – Бедная девочка, она же может умереть... Моя дочка, моя Лалочка...

– Посмотрите на меня, – властно сказал адвокат.

Мустафа поднял глаза, и Андрей, как делал это прежде, глубоко заглянул в них.

– Я сообщу вашему брату о своём решении.

После того разговора Андрей припарковал машину на стоянке у набережной и вышел к морю. Он долго стоял, глядя, как на поверхности воды разноцветные масляные полосы играют в лучах солнца. Адвокат вспоминал взгляд Мустафы, пытаясь разгадать, в чём же была правда в его глазах... Страх – да, но не за себя, за дочь. Вина? Скорее, нет, хотя все чувства и эмоции перебивал страх. Андрей вспомнил взгляд Исмаила – брата Мустафы, вспомнил, как глаза его впускали в себя только до определённой глубины, а потом там захлопывались створки. Братся за дело? Или нет? В этот момент на столбик перил сел голубь. Он осторожно стал поворачиваться, цепляясь коготками за скользкую опору, потом взглянул на Андрея, что-то гулькнул и улетел. Адвокат понял, что это был знак.

– Голубь – это хорошо, возьмусь, – решил он.

Теперь, стоя во Дворце правосудия после выигранного дела, Андрей понял, что тогда выбор был сделан правильно. В этот момент тихо зазвучал телефон, сообщая о приходе смс-ки. Это было банковское оповещение о поступлении денег на его счёт. Братья Рустамовы, не теряя времени, дали указание своей финансовой службе расплатиться с адвокатом. Но почему сумма такая большая? Почти двадцать пять тысяч в пересчёте на американские доллары. Ошибка? Не похоже. Особая благодарность?

В этот момент к адвокату подошёл отец убитой девушки и, быстро глянув в его телефон, произнёс с нескрываемой болью и сарказмом:

– Дорого продаётесь, молодец, а о вас ходят слухи, как о неподкупном и справедливом человеке. Эти слухи вы сами оплачиваете или клиенты?

– Что вам даёт право так говорить обо мне? Это решение суда. Я лишь защищал невиновного.

– Конечно, невиновного, невиновного убийцу. Ради своей дочери резать чужую. Какая уж тут вина? Всего лишь превышение необходимой обороны...

– Подождите, о чём вы говорите? При чём здесь его дочь?

– Как при чём? Жених её к моей доченьке переметнулся. Сколько я просил её – беги от этой семейки, не пара они нам, слишком много денег вокруг себя разбрасывают, всё пытаются купить... Вот и вас тоже – как ловко вы убийцу невиновным выставили! И судьи поверили... Хотя за деньги Исмаила они чему хочешь поверят... – мужчина горестно махнул рукой и стал тяжело спускаться по лестнице. Андрей стоял, словно оглушённый фразой «жених переметнулся к моей дочери». А ведь Мустафа рассказывал, что его дочь обещала не жить, если их разлучат с женихом...

Адвокат легко догнал мужчину, спустившегося лишь на пролёт.

– Подождите, пойте, пожалуйста, а почему же вы молчали раньше?

– Раньше? А кому что говорить? Дочь уже не вернёшь, а у меня ещё сын есть младший. Они за моей спиной связались с женой и с её согласия положили такую же сумму, – мужчина кивнул на мобильный телефон Андрея, – на счёт моего сына. Деньги на учёбу, в любом институте за границей. Вырастет пацан, а учёба уже обеспечена.

– Но ведь Мустафа невиновен. Суд признал это. Мы рассмотрели все улики и сумели доказать...

– Как ловко всё подставлено, – перебил мужчину.

– Продиктуйте свой телефон, я свяжусь с вами.

– Зачем?

– Ваше утверждение, независимо от того истинно оно или ложно, бросает тень на мою репутацию профессионала. Я должен проверить все детали заново.

– И что тогда?

– Тогда и решим, что, – Андрей поймал взгляд отца девушки и сам посмотрел ему в глаза. Сила боли поразила его. Ещё он понял, что мужчина знает гораздо больше, чем говорит. – Вас запугивали?

– Чем можно напугать отца, потерявшего любимую дочь?

– Смертью второго ребёнка.

– Пишите телефон, – мужчина быстро продиктовал номер, резко отвернулся и неожиданно быстро сбежал по лестнице.

«Вот тебе и победа, – думал Андрей. – Даром, что пятница, да ещё и тринадцатое, да ещё и затмение сегодня, какая-то кровавая луна...»

Адвокат вышел из здания суда и направился в офис. Отдых отменяется. Жена с детьми на даче поскучают без него ещё один денёк. Со своего запасного телефона, зарегистрированного на подставное лицо, номер которого был известен лишь паре человек, Андрей позвонил Руслану, тому самому другу детства, с которого когда-то и началось изучение взглядов людей. Руслан стал блестящим программистом, работал в известной компании, но основные деньги зарабатывал другим. Он создал маленькую, но очень мощную фирму, объединив трёх-четырёх молодых, но талантливых до гениальности хакеров. Деятельность фирмы была малозаконной, порой противозаконной, но очень востребованной и высокооплачиваемой. Они не занимались мелкой работой, типа вскрытия личных страничек в соцсетях, но и счета клиентов в банках тоже не опустошали. В фирме существовал своеобразный кодекс чести – они бралась только за ту проблему, которая была сложной, решалась красиво и приносила очень хорошие деньги. Андрей сам иногда обращался к Руслану с запросами, которые можно было решить и через государственные структуры, но затратив при этом гораздо больше времени. Если запрос оказывался пустым, о нём забывали, если же нет – подключались госструктуры, и та же информация приобретала статус официальной, становясь аргументом либо фактом. По запросам Андрея Руслан работал лично, мастерски уничтожая следы своего пребывания на нужных сайтах.

– Руслан, нужно встретиться. Срочно.

– Приезжай.

– Что-то захватить для поднятия духа?

– Тёмный человек ты, разве не знаешь, что в затмение дух поднимать можно только молитвой или медитацией?

– Я имел в виду ужин. Закажу в ресторане и привезу с собой. Уверен, что ты не ел с самого утра.

– Ну, это другое дело. Записывай, – и Руслан стал диктовать ему список блюд и закусок. Друг Андрея отличался богатырским сложением и ещё более богатырским аппетитом.

После ужина по-холостяцки – в офисе, прямо из ресторанный упаковки, Андрей попросил:

– Мне нужны распечатки звонков с мобильных телефонов Мустафы и Исмаила Рустамовых в ночь убийства, а также за день-два до убийства. Желательно со всеми данными абонентов. А также Сабина Гасанлы – тоже за день-два до убийства.

– Кстати, сегодня должен был быть суд, ты сам говорил. Что, отложили?

– Нет, подсудимого оправдали.

– Поздравляю, надо обмыть. А зачем ты снова хочешь там копать?

– Возможно, я допустил серьёзный ляп. Нужно проверить.

– Ладно, сейчас сделаем, – Руслан показал рукой на удобное кресло, стоявшее поодаль, – сядь туда, отдохни.

Минут через пятнадцать заурчал принтер, выдавая распечатанные листы.

– Андрей! – позвал Руслан задремавшего друга. – Иди, посмотри.

Адвокат потянулся в кресле, легко вскочил и подошёл к столу.

– Так, так, так, – бормотал он, изучая полученные данные. Телефон Исмаила Рустамова в тот вечер буквально разрывался от звонков, причём звонил он сам, звонили и перезванивали ему. А вот Мустафа в вечер убийства со своего телефона никому не звонил.

– Думаю, у братьев тоже существует номер только для личных разговоров между собой, как у нас тобой. И зарегистрирован он также на подставное лицо. Однако деловые разговоры он, скорее всего, ведёт по официальному номеру. Видишь, какая активность в ту ночь. Узнаешь, на кого зарегистрированы эти номера? – и он показал рукой на список.

– Давай, – Руслан взял листы и взглянул на них. – Стоп, этот номер я знаю. Это же номер Анара, моего сотрудника. Сейчас проверю.

Он набрал номер со своего мобильного и включил селектор.

– Привет, шеф! – раздался молодой звонкий голос. – Уже соскучились?

– Очень! Ты мне нужен, срочно.

– Шеф, я расслабляюсь на даче с молодой женой, сегодня же пятница... – голос поскучнел.

– Анар, мальчик мой, тогда ответь мне абсолютно честно. От этого многое зависит, – Руслан в минуты недовольства называл сотрудников «мальчик мой», и они от этих ласковых слов вздрагивали, словно от выстрела.

– Шеф, что случилось?

– Скажи мне, ты принимаешь заказы вне нашей фирмы?

– Шеф...

– Мальчик мой, да или нет?

– Шеф...

– Понятно, приезжай. Я в офисе.

Руслан дал отбой и повернулся к Андрею.

– У нас железное правило – все дела только через фирму. Не из-за денег, на стороне они будут зарабатывать в разы меньше. В фирме вся юридическая ответственность лежит на мне, ты сам мне рекомендовал человека. Я не беру ни одного дела, если юрист не сможет потом обосновать законность выполненной работы. За это он получает очень серьёзные деньги. Ладно, это наша кухня, ты немного в курсе. Но если парни берут работу на стороне и не ставят меня в известность, их проколы будут на мне, они же мои сотрудники.

– И какие санкции за нарушение?

– В договорах всё прописано. Увольнение за несоответствие служебному положению.

– Сразу?

– Да.

– Но в таком случае он ничего нам не скажет.

– Скажет, такую работу не теряют. Он будет думать, что у него есть шанс остаться, – было видно, что Руслан сильно расстроен. Он любил своих сотрудников и, несмотря на то, что был ненамного старше, относился к ним с отеческой заботой и любовью. Подобные проколы случались довольно редко, но Руслан воспринимал их как предательство, и они всегда больно отзывались в его душе. Анар появился через полчаса.

– Садись, мальчик мой.

– Шеф, не надо про мальчика, я уже взрослый.

– Расскажи мне, какие заказы и от кого ты принимал за последний год. Учти, я знаю, что твоя память в десять раз лучше, чем у твоего компа, поэтому отговорки, типа «я не помню», не принимаются.

– Шеф, здесь особая память и не нужна, так как случилось это только один раз. Мой друг школьный позвонил, сказал, что у отца неприятности. Тот завёл по-

другу, а мать стала подозревать, даже собралась нанять детектива. А у неё слабое сердце, друг испугался, что если правда раскроется, у матери снова начнутся проблемы с сердцем. Вот поэтому он и попросил «почистить» телефон отца, чтобы детектив не докопался, куда он звонит.

– Как зовут друга?

– Заур, Заур Рустамов.

– Отец – Мустафа Рустамов? – спросил Андрей.

– Да.

– А Лала Рустамова его сестра?

– Да, младшая.

– А как зовут подругу его отца?

– Я не знаю.

– А кто тебе звонил, кроме Заура?

– Сначала я отказал Зауру, объяснил, что не могу этим заниматься без вашей санкции, шеф, что у меня договор. Но он подключил своего дядю Исмаила, тот позвонил и стал умолять меня, объяснял, что все мужики грешат, но не все прокалываются. А его брату это может стоить здоровья жены, развала семьи, ну и тому подобное... Вот я и решил.

– Скажи, а ты потом понял, во что вляпался? Ты знаешь про убийство Сабины Гасанлы?

– Я узнал об этом гораздо позже, да и то случайно, от жены. Вы же знаете, шеф, я новостями, особенно криминальными, не интересуюсь. А Заур поблагодарил тогда и больше не звонил.

– Сколько тебе заплатил Исмаил Рустамов?

– Ничего. Правда, через несколько дней он снова позвонил и сказал, что у него два самосвала чернозёма лишние, спросил, не нужна ли мне хорошая земля на даче. А отец мой давно собирался землю привезти, старая истощилась, и ничего уже не родит. Я обрадовался, он прислал эти машины, деньги брать отказался. Я тогда даже и не подумал, что это плата за мою услугу.

– Да уж, недорого заплатил за алиби брата. А когда ты понял, что Мустафу обвиняют в убийстве, ты никак не связал эти два события?

– Если честно, я испугался, но приказал себе всё забыть. И забыл...

– А почему не рассказал всё мне?

– Вас я испугался ещё больше. Я понял, что подвёл вас, но решил, что, возможно, пронесёт.

– Нужно было и телефон Исмаила почистить, убрать свой номерок. Тогда бы пронесло.

Молодой мужчина стоял, опустив глаза. Он понимал, что, вероятно, здорово накосячил, если его всегда улыбчивый и смешливый шеф сейчас так холоден и неприступен.

– Скажите, Анар, – вмешался адвокат, – что вы можете ещё рассказать про семью Заура Рустамова?

– В школе мы с ним очень дружили, потом как-то разошлись – я в свой комп как залез, так и до сих пор вылезти не могу. Он по торговой части пошёл, то отцу помогал, то дяде. Иногда мы с ним встречались, могли посидеть, чаю или пива попить, но семейных разговоров не было. Я был на его свадьбе. Они с одноклассницей нашей со школы встречались, потом поженились. Хорошая пара, сын родился, скоро, кажется, девочка должна появиться. Или уже? Не знаю. Потом он был на моей свадьбе, самый солидный взнос сделал – кусок зелени. Но Заур всё от души делает, не ради показухи, что он такой крутой. У него мать хорошая, тётя Сара. Очень гостеприимная, любила нас, пацанов, кормить, когда заваливались к ним человек по десять после школы. Мы всё удивлялись, как это еды всегда на всех хватает? У Заура ещё брат есть и се-

стра, вы знаете, Лала. Очень красивая девочка, как с картинки. Она сейчас в Лондоне что-то заканчивает. Для родителей только она и существует, все её капризы выполняют, она крутит ими, как хочет.

– Вот как? А в чём это выражается?

– Да во всём. Хочет Лала фехтованием заниматься – нанимают тренера, чемпиона мира, хочет восточными единоборствами – пожалуйста, стажировка в школах Китая и Японии, хочет кулинарией – лучший французский повар делится с ней секретами. Лала только пальчиком укажет или губки надуёт, весь дом перед ней на цыпочках ходит. Ни в чём отказа не знает. Она с детства была хорошей артисткой, всё что хочешь могла сыграть – и комедию, и трагедию, недаром в школьном драмкружке примою была. Умеет она людей себе подчинять. Причём не только родных.

– А что не пошла в театральную?

– Кажется, в Лондоне параллельно училась то ли в какой-то театральной студии, то ли в театральной академии. Я не знаю точно.

– А что расскажете про её жениха – Рафика?

– Хороший парень, у них любовь с Лалкой ещё с детсада была, Заур рассказывал. Видно, это у них семейное – любить с детства и потом жениться. Лалка за Рафиком в Лондон полетела учиться, чтобы всегда при ней был. Не знаю, как сейчас, но она своего не упустит. Если что-то решила – сделает, такой характер.

– Анар, а она часто сюда приезжает? – продолжил распрос адвокат.

– Я никогда этим не интересовался. Мне как-то незачем.

– А Рафик?

– Не знаю. Он окончил что-то в Лондоне, работал здесь, потом уехал. Возможно, в командировку. Но это я краем уха от кого-то слышал. Не могу сказать точно.

Андрей задумался, Анар продолжал стоять, как проштрафившийся школьник, переминаясь с ноги на ногу. Руслан хотел что-то сказать, но адвокат жестом остановил его, подошёл к молодому человеку и заглянул ему глаза.

– Анар, подождите, пожалуйста за дверью, – а когда молодой человек вышел, он обратился к другу. – Руслан, ты его уволишь?

– Да.

– Можно как-то повлиять на твоё решение?

– Нет.

– Но он помогал другу, так, как ты мне сейчас. Заметь, в свободное от работы время, ночью.

– Это не имеет значения. Он не поставил меня в известность и подставил всю фирму.

– Руслан, если ты его оставишь, он будет предан тебе всю жизнь. Он не лидер, но гениальный исполнитель.

– У меня все на фирме гении.

– Про остальных не знаю, но Анар – благодарный гений. Я никогда не вмешивался в твои дела, но сейчас прошу подумать.

– Про благодарного гения ты у него в глазах прочитал? – Руслан знал за другом способность читать в глазах.

– Да. И не только это. Ты, думаю, тоже много про него знаешь, о чём не говоришь.

Руслан зашагал по комнате, иногда рукой откидывая волосы со лба, словно он спорил с кем-то, решая важную задачу. Потом резко открыл дверь кабинета и произнёс:

– Анар, сейчас езжай домой, в понедельник закончим разговор.

– Как мы его закончим, шеф?

– В понедельник будет ясно.

– Прощайте, шеф.

– Не прощай, а до свидания.

– Вы внушили мне надежду, шеф, – парень попытался улыбнуться.
Руслан, не говоря ни слова, отвернулся, но Андрей, поймав взгляд Анара, улыбнулся ему в ответ. Парень с облегчением расправил плечи и вышел из офиса.
– Ты зачем ему за моей спиной сигналы посылаешь? – обратился к адвокату Руслан.
– Я всего лишь улыбнулся ему. Он дал мне бесценные сведения. И я ещё раз убедился, что у Бога совпадений не бывает. Он всегда посылает то, что ты ищешь.
Руслан с интересом посмотрел на друга.
– Поделишься?
– Конечно, только уточню некоторые данные из твоей распечатки, – адвокат погрузился в изучение листов. Потом сел в кресло, откинулся на спинку и произнёс,
– Ну, так слушай.

2

Рафик впервые увидел Сабину в магазине у Мустафы, которого давно считал своим тестем, хотя ещё и не был женат на его дочери Лале. С Лалой они дружили и любили друг друга с самого раннего детства, с детского сада. Они давно решили, что поженятся, проживут счастливой жизнью, а Рафик хотел ещё кучу детей. Однако Лала не разделяла эти «детские» планы. В отличие от Рафика она была честолюбива и амбициозна, но эти амбиции не росли на пустом месте. Лале удавалось всё, за что бы она ни бралась – учёба, восточные единоборства, театральная сцена, фехтование. Всем она занималась с увлечением, и у неё всё получалось на все сто. Рафик порой удивлялся, почему она выбрала именно его, – с её внешностью, напором и обаянием она могла бы увлечь любого. Однако Лала любила именно его со страстью и неистовством, как и всё, что она делала. Наверное, они бы поженились, если бы не встреча с Сабиной. Это была полная противоположность Лале. Мягкая, нежная, она поразила Рафика светящимся взглядом серых глаз. Он встретился с ней глазами и пропал. Сначала парень даже не понимал, что с ним происходит, а когда понял, что по уши влюбился, испугался – а как же Лала? Но какая-то невероятная сила притягивала его к Сабине, и сопротивляться ей он не хотел. Девушка никак особо не реагировала на ухаживания парня, она принимала цветы, позволяла провожать себя домой, пару раз вместе посидели в кафе. Но Рафик, к своему сожалению, никаких чувств в ней не вызывал. Она ещё ни разу не влюблялась, их общение воспринимала как дружеское, а когда узнала, что он жених Лалы, вообще стала сторониться его.

Рафик сделал Сабине предложение руки и сердца, пообещав расторгнуть помолвку с невестой, но это ещё больше отдалило её. Парень страдал, он любил Сабину и ясно осознавал, что их история с Лалой закончилась. И в очередную командировку в Лондон, где Лала завершала учёбу, он всё ей рассказал. У девушки был шок, сутки она не могла разговаривать, а когда речь вернулась к ней, только спросила:

– Это окончательно?
– Да.
– Что-то можно изменить?
– Не знаю, думаю, нет.

Ничего не сказав Рафику, Лала первым же самолётом улетела в родной город, и уже поздним вечером звонила в ворота загородного дома. Родители обрадовались, но и удивились её прилёту в самый разгар учёбы, однако она объяснила это тем, что ей срочно необходимы кое-какие документы. Первый день Лалы не было дома, а на второй к концу дня она пришла на работу к отцу. Вошла незаметно через чёрный ход подъезда, куда выходила задняя дверь магазина, тихонько постучала в кабинет отца. А войдя, закрыла за собой дверь, бросилась ему на шею и разрыдалась. Мустафа не на шутку перепугался, так как в последний раз видел плачущую дочь в её далёком детстве.

– Папа, Рафик меня не любит, он хочет расстаться со мной, он полюбил другую.

– Девочка моя, это невозможно. В этом мире никто не может сравниться с тобой.

– Оказалось, возможно. Я хочу с ней познакомиться. Ты мне должен помочь.

– Я всё сделаю для тебя, любовь моя, но как? Я же не знаю, о ком ты говоришь.

– Это Сабина, папа, твоя бывшая продавщица.

– Сабина? И Рафик? Это невозможно. У Сабины никого нет, она занимается только учёбой.

– Папа, Рафик сказал мне именно о ней. Я хочу с ней встретиться. Но не на улице или в кафе. Пригласи её сюда, в твой кабинет. Вечером, чтобы никто нам не мешал поговорить. Придумай что-нибудь. Это важно для меня.

– Хорошо, дочка. Сегодня вечером позвоню, она днём телефон отключает, чтобы не мешал на занятиях.

– Папа, сделай это, для меня этот разговор – вопрос жизни или смерти, – говоря это, Лала сняла один из нескольких кинжалов, украшавших стену кабинета и являвшихся гордостью Мустафы. Мустафа, по природе будучи мирным человеком, очень любил холодное оружие, особенно дорогие восточные кинжалы. И когда у него появились деньги, сумел собрать неплохую коллекцию. Лала вытащила кинжал из ножен и приставила его к своему животу. Отец бросился к ней и осторожно, преодолевая сопротивление, вытащил кинжал из её рук. Потом, ослабев, опустился на стул и с болью посмотрел на дочь.

– Одним ударом ты убьёшь троих – себя, меня и мать.

– Прости меня, папа, я дура! Я никогда этого не сделаю, не убью себя. Даю тебе слово, клянусь! – По щекам Мустафы покатались слёзы. Лала спохватилась, стала целовать отца, губами осушая его глаза. – Прости меня, прости, прости!

Через некоторое время, когда Мустафа успокоился, Лала предложила;

– Папа, доставай своё любимое вино. Давай выпьем за то, чтобы всё закончилось хорошо, чтобы все были счастливы.

Мустафа подошёл к шкафу, где у него хранился изрядный запас хорошего местного вина, достал бутылку и два бокала, откупорил вино, разлил его. Один бокал протянул дочери:

– За тебя, Лалочка. Помни, ты – единственное, ради чего я живу на этой земле. Будь счастлива, дочь, – он залпом осушил бокал и налил себе второй. – За твою любовь, пусть она принесёт тебе благо, – так же залпом выпил второй бокал и вышел из комнаты.

Лала допила своё вино и убрала со стола. Через пару минут Мустафа вернулся и протянул дочери ключи.

– Это от чёрного хода. Я не поставлю его на сигнализацию. Сможешь спокойно поговорить с Сабиной. Уже конец рабочего дня, пойдём, я закрою магазин.

– Я выйду через подъезд во двор, не хочу никого видеть. Ты останешься в городской квартире? Я потом зайду.

– Хорошо, – Мустафа поцеловал дочь, и они вместе вышли – отец пошёл в торговый зал, а дочь тихонько выскользнула через заднюю дверь.

3

В понедельник в кабинете у адвоката Андрея Матвеева сидели Исмаил Рустамов и следователь, который вёл дело Мустафы Рустамова. Референт адвоката, молодой юрист, недавно окончивший университет и по совместительству выполнявший работу секретарши, принёс три чашки кофе, который он мастерски заваривал, и печенье.

Андрей сделал гостеприимный жест рукой, и посетители молча выпили кофе. Напряжённая обстановка несколько разрядилась.

– Если вы не возражаете, я продолжу, – сказал адвокат. – Вечером отец позвонил Лале и сказал, что Сабина придёт в офис. И здесь начинается самое интересное. Лала, будучи актрисой, легко могла копировать людей, походку, характерные движения, голос и интонации. За несколько минут до встречи она, переодевшись в отца, натянув его шляпу – лысый Мустафа никогда не выходил из дома с непокрытой головой, копируя его походку, вошла с улицы в подъезд, куда выходила вторая дверь магазина. Этого «Мустафу» и зафиксировали уличные видеокамеры. Через несколько минут они зафиксировали, как в подъезд вошла Сабина. В кабинете её ждала Лала. Скорее всего, она рассказала о своих переживаниях, но услышав уверения Сабины, что та никак не интересуется Рафиком, предложила распить мировую. Достала и открыла бутылку вина, поставила на стол два бокала. Потом полотенцем протёрла их, убирая с бокала Сабины отпечатки своих пальцев. Девушки выпили «за мир и дружбу», сели на диван, вероятно, спокойно болтая. Но Лала, как известно, человек, привыкший добиваться своего и убирающий все препятствия с пути. Сабина была не только препятствием, она оказалась скалой, отделившей Лалу от жениха. И её нужно было убрать. Лала изучала единоборства в Японии и Китае, и она наверняка знала сакральные точки на теле человека, воздействуя на которые можно отключить сознание. Дальше всё прошло по задуманной схеме. Сабина отключилась, причём перед этим у неё не было ни волнения, ни страха, на лице девушки осталось выражение спокойствия. Лала уложила Сабину на диван, потом убрала бутылку со своими отпечатками, вымыла и протерла свой бокал, а на стол поставила бокал и бутылку с отпечатками пальцев отца – днём она предусмотрительно убрала их в шкаф. Полная иллюзия, что Мустафа с Сабиной распили вино. Оставалась самая трудная часть – убрать соперницу с этого света. Кинжал был выбран заранее – на нём уже были свежие отпечатки пальцев Мустафы. Сила и точность попадания не удивляют – Лала занималась фехтованием. Убрав соперницу, она снова переоделась, превратившись на видеокамере в отца, захватила бутылку с вином, которую потом, скорее всего, выбросила где-то подальше, и спокойно вышла из магазина.

Это убийство поражает не столько дерзостью и хладнокровием, сколько тем, как дочь цинично и жестоко повесила его на отца, предав и подставив его. Что она делала потом? Думаю, позвонила отцу, сказала, что не придёт ночевать, потом позвонила дяде, – Андрей указал на Исмаила. – О чём они говорили, и как развивались дальше события, думаю, он сам расскажет.

– Зачем вам понадобилось это расследование? – хрипло спросил мужчина. – Вы сделали своё дело, Мустафу оправдали, зачем копали дальше?

– Меня обвинили в том, я помог убийце уйти от возмездия, получив за это большие деньги. Моя профессиональная честь была поставлена под сомнение. Я должен был защитить себя и разобраться в этом вопросе. Вы понимаете, что у меня нет никаких доказательств, их будет искать мой коллега, – адвокат показал на следователя. – Дело всё равно пошлют на доследование. Вы также понимаете, что Мустафа был бы согласен сам сесть за решётку, но защитить свою дочь. А вы... – Андрей подошёл к Исмаилу Рустамову и посмотрел в его глаза. Сейчас взгляд его проник до самой правды, и она соответствовала тому, о чём рассказал адвокат. – Вы взяли на себя тяжесть чужой тайны, но убийца остаётся убийцей, независимо от того, в каких родственных связях вы находитесь. Лала подло предала и осознанно подставила своего отца, для которого была смыслом жизни. Я даже не знаю таких слов, чтобы охарактеризовать эту девушку. Гнида? Мразь? Мне даже говорить о ней мерзко. Что её двигало? Любовь? Нет, любовь не толкает на убийство. Эгоизм, избалованность, ощущение своей исключительности и безнаказанности, своего превосходства и презрения к другим людям. Это страшный человек...

– А как вы догадались, как смогли так быстро установить истину? – спросил адвоката следователь. Он тоже понял, что коллега прав, но доказывание преступления ложилось на него, и он хотел каких-то подсказок.

– Бог помог, он всегда помогает правым, и помощь приходит, откуда её совсем не ожидаешь. Ищите и найдёте, коллега. Моя мама всегда учила меня смотреть людям в глаза, а преподаватель в институте советовал обращать внимание на детали и знаки. Попробуйте, именно здесь и лежит разгадка. Мой помощник сделал запись этой нашей беседы, и он передаст вам обоим сейчас копии. Желаю успеха, – он протянул и пожал руку следователю. Потом повернулся к Исмаилу Рустамову. – Я знаю, вам сейчас тяжело, но для чего-то же вы получили это испытание.

– Спасибо, что дали передохнуть в субботу и воскресенье. Хоть две ночи я спокойно поспал, думал что кошмар кончился. А если... Я могу снова к вам обратиться?

– Нет, – твёрдо отрезал адвокат Андрей Матвеев.

Инопланетянин

Вот уже вторую неделю в городе было что-то не так. Все говорили об этом, но никто не мог объяснить, что именно было не так. Не было никаких особых происшествий, парламент мирно творил новые законы, дети по-прежнему ходили в школу, полиция поддерживала порядок, который в эти дни никто и не стремился нарушать, рестораны баловали гостей изысканными блюдами, влюблённые целовались на каждом шагу. Но именно милая влюблённая девочка, выскользнув из объятий своего парня, выразила общее ощущение:

– У меня такое чувство, что за нами всё время кто-то наблюдает.

– Конечно, наблюдает, солнце моё! Мы же стоим в центре перекрестка!

– Нет, это не то. Мне кажется, словно моя мама всё время следит за нами. Изучает и хочет понять, что я нашла в тебе, и что это мы такое делаем, когда целуемся.

– Здесь нет твоей мамы, – парень снова потянулся к губам подружки, но замер. – Точно! Я тоже всё время что-то не то чувствую. Ты правильно сказала – кто-то изучает нас.

– Ну, и ладно, – девушка беспечно махнула рукой, и влюблённые скрылись в дверях кафе.

Я сидела за столом, сочиняя очередной рассказ и азартно выстукивая его на компьютере. Когда я работаю, меня мало что может отвлечь, а в тот вечер в доме я была одна. Я отключила телефоны, сеть wi-fi и всецело погрузилась в свой шедевр, который обещал стать бессмертным. Какое-то слово никак не ложилось в строку, и я задумчиво повернулась к окну, которое выходило на балкон. Сквозь стекло на меня смотрели огромные глаза. На треугольном лице. Длинная тонкая шея опускалась на квадратные плечи. Тонкая полоска разделяла лицо на две части, в нижней вершине треугольника было нечто, похожее на рот. Но такие подробности я разглядела позже, а первой моей мыслью было:

– Кто это и почему мне не страшно?

– Меня зовут Бого. Я добрый. Тебе не нужно бояться.

– Люсия, – почему-то соврала я, представляясь. – Ты кто такой?

– Можно войти? Неудобно разговаривать через стекло.

– Я не знаю...

– Вреда не будет. Зуб даю.

Я от неожиданности открыла рот, но потом догадалась, что про зуб это фигура речи. Инопланетянин уже где-то нахватался местных идиом.

– Ну, заходи, Бого, – пригласила я, и существо просочилось сквозь стекло в комнату. Запахло свежими персиками.

– Персики – это у тебя духи такие или собственный запах?

– Духи. Обычно это нравится. Изменить?

– Не стоит. Ты откуда? Из другого мира?

– Да.

– Так это контакт? Исторический момент? – я наполнилась гордостью за себя.

– Мы уже десять дней наблюдаем за вашим городом. Изучаем людей.

– И как мы вам? Нравимся?

– Интересно. У нас всё по-другому.

– Ещё бы, – ответила я, внимательно рассмотрев его. Прямоугольное тело без рук и ног плавно передвигалось по паркету. Было ощущение, что оно во что-то одето, так как поверхность его переливалась сине-зелёными цветами.

– Можно тебя потрогать? – спросила я.

– Да, конечно, – ответил Бого и протянул вдруг образовавшуюся руку. Она оказалась теплой и приятной на ощупь. Мне показалось, что она похожа на слайм, и я попыталась сформировать пальцы. Мне это легко удалось, причём показалось, что они сами вытягиваются из руки, повинувшись скорее моей мысли, чем движениям.

– Сколько пальцев хочешь? Я сделаю, – и на его руке появилось пять пальцев, потом десять.

– Стоп-стоп, оставь пять.

– Пальцев бывает у нас столько, сколько нужно для какого-то действия.

– Здорово. Мне всегда не хватает десяти пальцев, когда я печатаю. Мысль убегает вперёд.

– Ты хочешь больше? Помочь?

– Нет-нет, – испугалась я, – я уже как-то привыкла к своим. Больше будет перебор. А вас много у нас на планете?

– Нет, всего двенадцать. Мы разведчики.

– А где ваш корабль?

– У нас нет корабля. Мы попадаем в разные места Вселенной за счёт управления пространством. Но это требует много энергии.

– А что вам у нас нужно? Вы что-то ищете?

Бого как будто замаялся.

– Мы изучаем людей.

– Это я уже слышала. Говори честно, что вам нужно на Земле.

– Мы не можем врать. Люди могут, мы – нет, сразу начинаем растворяться. А правду не могу сказать.

Я поняла, если не может сказать правду, значит, затевается что-то против Земли или землян. Это мысль меня разозлила.

– Бого, что вам у нас нужно? Что вы ищете? – грозно сказала я, с негодованием глядя ему прямо в глаза. Он растерялся и задёргался, словно провинившийся школьник.

– Бого, что вам у нас нужно? Что вы ищете? – повторила я в третий раз, всё больше сердясь.

– Ты спросила три раза, я не могу не ответить. Но я не могу отвечать. Но я должен ответить, ты спросила три раза... – он задёргался сильнее, а меня вдруг осенило:

– Вам нужна вода? – инопланетянин замер, а потом с облегчением кивнул.

– Это источник энергии? – он снова кивнул.

– А высохшие озёра и моря – ваша работа? – он кивнул в третий раз.

– А на страдания людей вам наплевать? На засуху, на жажду детей? – я встала в позу обличителя. А он удивлённо ответил:

– Вы сами уничтожаете гораздо больше. Мы только лишь пристроились к вашим... – он замолчал, подыскивая слово, – беззакониям и безобразиям.

Слёзы навернулись мне на глаза, так как это была безжалостная правда. Я пошла к дивану и плюхнулась на него, в отчаянии закрыв глаза. А когда открыла, инопланетянин в оцепенении стоял напротив и смотрел на стену надо мной.

– Моя мать. Откуда? – глухо произнёс он, указывая куда-то вверх. Там висела небольшая картина с каким-то странным существом.

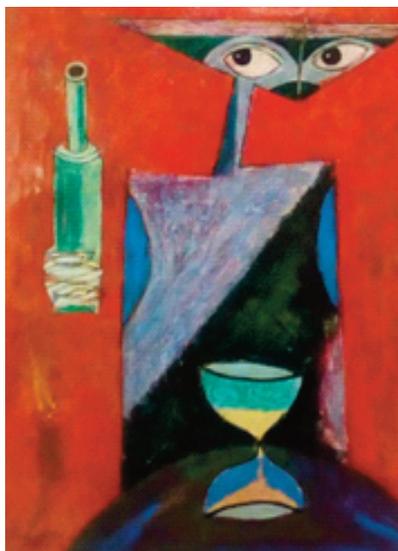

Рисунок художника Farhad Yalguzag

Полгода назад у нас в лицее выступал художник и показывал свои картины. На них были непонятные чудики с треугольными головами. Странные на первый взгляд, на второй они казались милыми и добрыми. Художник рассказал интересную историю, связанную с ними. Несколько лет назад он решил написать книгу. Размышления о жизни, о себе, о своём месте в мире. У обычных людей такие мысли тоже иногда посещают голову, но только у творческих это посещение выливается в желание поведать о них людям. Чтобы никто не мешал процессу рождения бессмертного откровения, художник забрался высоко в горы, нашёл там полузаброшенную деревушку без электричества, газа, водопровода, без мобильной связи и интернета. Конечно, такое сложно представить, но в нашем мире возможно всё. Художник запасся бумагой и ручками и стал писать книгу старым дедовским способом – вода пером по бумаге. Не знаю, как и чем он питался, но через некоторое время стал замечать, что в голове его появляются образы человечков с треугольными головами. Ещё через некоторое время они стали вступать с ним в беседу, а потом вообще начали учить жизни. В книгу вошли главы с их монологами и диалогами. Когда художник вернулся в большой мир, он как одержимый стал рисовать этих треугольных человечков. На той встрече в лицее я насчитала более пятидесяти картин, и ни одна не повторялась, ни в красках, ни в героях.

Мне понравилась картина, которая напоминала «Любительницу абсента» Пикассо. Художник продавал свои картины, причём совсем недорого, и я купила «любительницу» и ещё две – треугольную маму с двумя треугольными детишками и двух треугольных влюблённых.

И вот сейчас инопланетянин смотрел на «любительницу абсента» и признавал в ней свою маму. Я бросила взгляд вверх и поразились, как я сразу не заметила сходства Бого с изображениями на картинах, висевших на моей стене.

– Откуда?

– Художник нарисовал.

– Откуда он знает мою мать?

– Она приходила к нему.

– Что?!?! – почему-то гневно взревел Бого.

– В мыслях, не в теле, – поспешила я успокоить инопланетянина и кивнула на другие картины. – Их много приходило. Вот ещё ваши, ты их знаешь?

Бого перевёл взгляд. Потом невероятно удлинившейся до размеров указки рукой стал показывать на существа на картинах и называть их имена.

– А как они попали в мысли художника? – спросила я.

– Мне неизвестно. Но думаю, что это была другая разведка – психологическая.

А ты дашь мне эти картины? – без всякого перехода спросил он.

– С какой это стати? Вы воруете нашу воду, а я буду дарить тебе картины?

– У нас никто так не может рисовать. Мы вообще не можем рисовать. Петь не

можем... Танцевать не можем... У нас нет музыки, только техника. А у вас есть искусство. У нас нет даже такого понятия.

– Бого, так берите то, чем мы поделимся с радостью – своим искусством. А вы воду воруете, – снова упрекнула я его. И тут во мне зародился план спасения Земли.

– А если мы вам подарим ваши портреты, вы перестанете хозяйничать тут?

– О! Это было бы невероятно! Великолепно! Но не я один это решаю.

– Сделаем так. Ты берёшь портрет своей матушки как образец и рассказываешь обо всём товарищам. Если они в принципе согласны, обговариваем условия. Идёт?

Бого радостно потянулся к портрету, но я остановила его:

– Идёт? Ты не ответил.

– Я постараюсь убедить их, – сказал инопланетянин, потом бережно снял портрет, прижал к груди и исчез, шагнув сквозь стекла балкона.

Несколько минут я неподвижно сидела на диване, пытаюсь понять, было ли это наяву или же в каких-то грёзах. Однако портрета на стене не было. Я взяла трубку и набрала номер художника.

Через полчаса он сидел у меня в гостиной и доставал из огромной сумки портреты инопланетян.

– Вот, всё собрал. А где покупатель? – с наивной надеждой спросил он. По мере того, как я рассказывала ему историю с Бого, лицо его мрачнело всё больше и больше. – Почему для своих нелепых шуток вы выбрали ночь? И сегодня ведь не первое апреля.

– Это не шутка. И вы можете стать спасителем человечества.

Художник с жалостью посмотрел на меня.

– Вы, наверное, давно не отдыхали? Может, выпьете снотворного и заснёте эдак на сутки-другие?

– У меня с головой всё в порядке. Подождите немного, я чувствую, что он вернётся. Не торопитесь, – но художник уже собирал в сумку свои работы. Именно в этот момент сквозь стекло просочился Бого, предварительно вежливо постучав. – Заходи, Бого. Как твои переговоры?

Художник поднял глаза и от неожиданности резко отпрянул назад. Потом встал, осторожно подошёл к инопланетному гостю, потрогал его и обошёл вокруг.

– Я живой, – сказал Бого. – Это ты рисуешь наши портреты?

Художник сделал неожиданное – он обнял инопланетянина и разрыдался у него на груди.

– Я знал, что увижу вас наяву... Вы пришли... Вы со мной... Я вас так люблю...

– Они воруют нашу воду. И моря и озёра высыхают. И дети умирают от жажды, – я попыталась охладить его восторги. – И ещё они не могут врать.

– Я знаю, – художник продолжал обнимать и ощупывать Бого, а тот спросил:

– Можно остальные войдут?

– Все двенадцать?

– Они пришли все.

Я заколебалась, а потом разрешила.

– Да, пусть входят.

Сквозь стекло просочилось двенадцать инопланетян. Они были похожи друг на друга, но всё же разные, совсем как люди. Художник был в восторге. Он осторожно ощупывал гостей, а они, вытягивая из туловища руки, ощупывали его.

– Друзья, у нас дело планетарного масштаба. Обниматься будем, когда закончим его. Итак, я предложила условие – мы отдаём вам ваши портреты, которые стоят огромных денег, – при этом я наступила на ногу художника, который был готов дарить свои картины без всяких условий. – А вы взамен обещаете никогда впредь не воровать воду с Земли. И не вступать в сговор ни с каким правительством. Возможно, в дальнейшем откроются иные точки сотрудничества, но это условие – главное.

– Мы согласны, – сказал Бого. – Портреты, которые вы рисуете, стоят дорого у вас, а у нас они бесценны. Нас никто, ни в одном уголке Вселенной не рисовал. Мы можем создавать мыслеформы, но вот так, на бумаге или на холсте, никогда...

Я наклонилась к художнику:

– Может, вы попробуете их научить рисовать? За деньги. Или за золото. И этим поправите своё материальное положение?

– Не получится, я знаю. Кажется, они на генетическом уровне лишены такой способности.

– Господа инопланетяне! Уважаемый художник отдаст все портреты, которые он нарисовал. Вы навсегда, на веки вечные прекращаете воровать, – я дипломатично поправила, – увозить воду с Земли. Она нам самим нужна. И оставляете нашу планету. У нас и без пришельцев проблем полно. Но если вы захотите перед отъездом получить новые портреты, то нужно будет заплатить. Золотом. По килограмму за портрет. Идёт?

Инопланетяне переглянулись, а Бого спросил:

– Почему вы так любите золото? У нас оно не ценится.

– Тем более. Думаю, такая цена вас не обременит.

– Мы согласны. Мы согласны. Мы согласны! – трижды повторили инопланетные гости, и я поняла, что обмануть они не смогут. Художник протянул им большую стопку портретов на бумаге размера А4. Они восторженно рассматривали их, радостно узнавали знакомых, переговаривались на своём языке, а художник наклонился ко мне и горячо зашептал;

– Я благодарю вас! Вы спасли Землю! А если они будут платить за портреты, то мы богаты – двадцать процентов ваши!

– О! Спасибо! Я вот подумала – а как мы будем продавать золото? Я сказала, не подумав.

– Не волнуйтесь, в нашей стране всё решается, тем более золотом.

На следующий день в городе всё стало по-прежнему – исчезло непонятное неприятное ощущение, что за тобой наблюдают и тебя изучают. Люди расслабились. Вы спросите, а как художник с новыми заказами, и как я со своими процентами от заказов? Поживём – увидим. Главное, мы спасли Землю!

